

A close-up, profile view of a woman's face and hands. She is holding a vibrant red rose with both hands, bringing it towards her nose. She has dark red lipstick and is wearing a dark, shimmering dress with a large, ornate silver necklace. The background is a dark, gradient grey.

ЛитРес:

Лана Мейер

18+

ОМЕРТА

КНИГА ПЕРВАЯ

Лана Мейер

Омерта

Серия «Когда город спит, просыпается мафия», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54257803

Омерта: Яуза; Москва; 2021
ISBN 978-5-535-00144-9, 978-5-00155-435-6

Аннотация

Киан Морте – один из боссов влиятельной мафиозной семьи. Мия Ди Карло – пленница золотой клетки, в которую ее запер деспотичный опекун.

Однажды ей удалось сбежать на «бал», но встретила она там далеко не принца.

А Киана Морте. И под покровом ночи была очарована тем, на кого при свете дня не посмела бы поднять взгляда.

Их «семьи» ведут жестокую войну, где правят законы омерты и вендетты.

Мие суждено умереть, стать пешкой в кровавой игре преступных кланов или женой мужчины, для которого жизнь не представляет никакой ценности.

Она так думала... пока не узнала его. Пока он сам не узнал себя.

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	54
Глава 4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лана Мейер

Омерта

© Мейер Л., 2021

© ООО «ЛитРес», 2021

© «Яуза-каталог», 2021

Часть первая

В древних санскритских легендах говорится о любви, predetermined кармой, о существовании связи между душами, которым суждено встретиться, соприкоснуться и найти упоение друг в друге. Согласно легендам, суженую узнаешь мгновенно, потому что твоя любовь к ней сквозит в каждом ее жесте, каждой мысли, каждом движении, каждом звуке и каждом чувстве, светящемся в ее глазах...

Грегори Дэвид Робертс

Пролог

МИЯ

Мафия бессмертна.

Бактерия. Смертельный яд.

Вирус, отравляющий нутро, держащий в стальных оковах весь организм, именуемый «обществом».

Ты можешь ничего не знать о тайных организациях, семейных кланах, преступном синдикате, косвенно контролирующем каждый твой вдох, но это не значит, что *cosa nostra*

не существует.

Ты можешь закрывать глаза на нераскрытые преступления, затихшие резонансные ограбления, вскользь упомянутые в сводке вечерних новостей, от которых волосы на коже встают дыбом, а затылок покрывается инеем.

Ты можешь не сталкиваться с жестоким миром вымогательства и рэкета, контрабанды оружия и наркотиков и игнорировать эту параллельную вселенную подобно тому, как не обращаешь внимания на причудливые тени, что ночами маячат на окнах и стенах и под углом богатого воображения кажутся монстрами, несуществующими призраками и выдуманными чудовищами.

Но, к сожалению, когда «город просыпается», вопреки правилам знаменитой игры «мафия» не «засыпает». Она просто прячется с появлением дневного света.

Ты можешь ничего этого не замечать...

Ведь ты, как и я, – обычная девушка или добропорядочный мужчина. Хотя на самом деле я не из самой стандартной семьи. И за двадцать полных лет жизни перенесла то, чего не пожелала бы никому, даже врагу.

Нет ничего страшнее, чем потеря самых близких людей. Их наличие в жизни зачастую воспринимается как должное, и лишь тот, кто когда-либо переживал подобное горе, способен понять, насколько глубокий шрам оставляет на сердце эта невосполнимая утрата.

Если честно, я всегда знала, что необъяснимая невидимая

опасность владеет каждым моим вдохом и выдохом. Крадет-ся по пятам, считая мои шаги. Дышит в спину, щекочет оголенные нервы, дергая за струны души ледяным смехом, который нельзя увидеть, потрогать... лишь услышать, почувствовать его вибрации и едва уловимые полутона.

Ощущение не из приятных, скажу я вам.

Все равно что жить и знать, что прямо сейчас на мне стоит «красная метка» сталкера и в любой момент может произойти непоправимое, необратимое, жуткое.

В любой момент сказки о чудовищах могут стать реальными, осязаемыми, парализующими мою волю и свободу. Интригующая фраза «игры с дьяволом» станет для меня не просто названием любимого парфюма от Kilian, слово omerta обретет вдруг смысл, и я буду вынуждена узнать некоторые из правил этого непреложного и несущего нарушителю жестокую смерть кодекса чести тeneвых карателей и правителей Нью-Йорка.

Ты можешь, как и я, ничего не знать о мире, где идет бесконечная и кровопролитная борьба за власть, деньги и территорию. Где в погоне за господством они готовы на все, в том числе и на поиск новых, даже самых невероятных и фантастических, рычагов давления.

Поиск инструментов, любой ценой приводящих к результату, к обладанию преимуществом. К секретному козырю в рукаве того или иного клана.

На мою долю выпало то еще счастье – быть неотъемлемой

частью, деталькой пазла, указывающей путь к превосходству.

Ты можешь не знать... и едва ли представляешь себе, что однажды ты, обычная девушка, станешь ключевой фигурой на шахматной доске их игры, в которой нет правил, не окропленных алыми каплями.

Ты можешь закрыть нашу с *ним* историю, прямо сейчас, если не готова гореть в агонии, если хочешь уберечь свое сердце от крови, а сознание – от ментальных падений, обугленных нервов и выворачивания наизнанку. А можешь окунуться в нее с головой и однажды закрыть с благодарностью к своей собственной жизни и больше никогда не воспринимать каждый новый день и мирное небо над своей головой как должное.

Я надеюсь, твое небо именно такое.

Мое небо в один миг обрушило на меня кровавый дождь, к которому я не была готова.

И это были слезы моего сердца, которое, по воле судьбы, было присвоено Кианом Морте – беспощадным, бессердечным, бескомпромиссным мужчиной, который во главу угла всегда будет ставить законы омерты, криминальный бизнес и свою «семью».

Я так думала... пока не узнала его. Пока он сам себя не узнал.

И если бы все было так просто и Киан Морте был банальным и примитивным чудовищем, этой истории никогда бы не было.

У каждого в душе есть секрет, двойное дно, неизведанные и непроявленные ранее грани... и мне не жаль, что я решилась заглянуть в этот омут, в непроглядную бездну духа этого мужчины и нашего, как оказалось, общего смертоносного мира.

Глава 1

Не стоит недооценивать привлекательность темноты, Стефан. Даже самая чистая сердцем тянется к ней.

Из телесериала «Дневники вампира» (The Vampire Diaries)

МИЯ

– Невероятно, здесь столько народу... – задыхаясь от ледящего ужаса, шепчу я, украдкой выглядывая из-за кулис. Мой взгляд скользит по огромному и помпезному залу, где уже собрался высший свет всего города. Спрятав свои лица за венецианскими масками, мужчины ведут светские, сдержанно-лицемерные беседы, а их дамы собираются в кружки по интересам и обсуждают украшения, последние новости и сплетни «тусовки», погоду и спорт.

Все соблюдают правила чертова этикета, которые я знаю наизусть, но ненавижу до оскомины. Инстинктивно морщусь, ощущая во рту кислый вкус лимона.

– Не волнуйся, Мия, – ободряющим голосом успокаивает Майкл, замечая мою тревожность, и протягивает маску, которую я спешу приложить к лицу. – Все будет хорошо. Твой голос, уверен, произведет на всех неизгладимое впе-

чатление. – Он поднимает руки и помогает мне закрепить маску на месте, завязав ленты на затылке.

– Ты мне льстишь. Я не так уж хороша... да и легко могу взять фальшивую ноту, – мямлю я, ощущая, как от одних лишь мыслей об ошибке меня бросает в ледяной пот.

– Мия, ты опять начинаешь? – предостерегающе ворчит Майкл. – Ты поешь как богиня. Я все еще не понимаю, зачем ты получаешь медицинское образование. Когда тебе исполнится двадцать один и твой дядя перестанет держать тебя взаперти, весь мир услышит твой голос. И рядом с тобой буду я. – Майкл Форд сдержанно прикасается к моему плечу в знак поддержки, и мне немного передается его непоколебимая уверенность в себе и своем таланте.

Боже, я никогда в жизни так не волновалась.

Дыхание перехватывает до боли в груди, а желудок, кажется, начал жить своей жизнью и за этот вечер научился делать виртуозное сальто-мортале. Если бы не привычка держать спину ровной, а плечи расправленными, я бы уже давно схватилась за живот вспотевшими ладонями в безуспешной попытке угмонить чувства, бушующие внутри. От тревоги и томительного предвкушения, что я испытывала, мечтая о сегодняшнем вечере и собираясь на него, я совершенно забыла о еде и сне. Надеюсь, я не упаду в голодный обморок прямо на сцене, на глазах у первых лиц города и так называемых «сливок общества».

Делаю глубокий вдох и резко выдыхаю, бросив мимолет-

ный взгляд на Майкла Форда. Он – не только мой партнер по вокалу, но и единственный человек, с которым я общаюсь, не считая членов моей огромной и до тошноты аристократичной семьи. Моей *ненастоящей* семьи... но об этом немного позже.

Должна признать, что Майклу идет лаконичная бронзовая маска и классический смокинг, явно сшитый для Форда на заказ. А вот его парикмахеру я мысленно ставлю уверенный минус за то, что потратил слишком много лака на мужскую шевелюру и сделал из Майкла рафинированного стилиста, который случайно попал в эпицентр венецианского карнавала. Хотя большинство девушек, естественно, не заметят противоречий в его образе, как только Форд начнет исполнять мужскую партию нашего дуэта. Майкл наделен потрясающим драматическим тенором, поистине магическим образом переплетающимся с моим нежным сопрано. Нам предстоит исполнить две композиции, и от постыдного бегства и потери пульса меня спасает только то, что мое лицо теперь тоже скрыто вычурным аксессуаром.

Нас с Майклом связывает нечто большее, чем совместное творчество. Сложные отношения, полные недосказанности. Поскольку он фактически единственный мужчина в моем пространстве, не являющийся родственником, я часто представляю его в своих романтических фантазиях, но он не спешит воплощать их в жизнь. Наверное, боится моего дядю. А мне так хочется иногда побыть «плохой девочкой», настоя-

щей, выпустить на волю внутренние желания, стать свободной и раскрепоститься. Но я просто не могу себе этого позволить.

Многое для меня находится под строгим запретом.

Я даже не целовалась ни разу, не говоря уже о большем.

Никогда. А так хочется узнать, каково это – быть женщиной, а не маленькой девочкой. Чувствую себя запертым в манеже младенцем, которому не дают познавать мир.

Иногда мысль об этом приводит в дикое отчаяние, я задыхаюсь от одиночества и потребности любить, общаться и самовыражаться свободно. Но некоторые желания приходится постоянно подавлять в себе, потому что я прекрасно знаю, чем мои выходы и побеги из дома могут закончиться.

Страх сцены и публичных выступлений довольно банальный недостаток. Но для меня этот страх – лишь верхушка айсберга из коллекции фобий, которые преследуют меня с того дня, как погибли родители.

Это случилось в одночасье.

Автокатастрофа, в которой спаслась только я.

Мощный удар, оглушительный визг и скрипящий рев скользящих шин... и их больше нет.

Я помню все урывками. И не хочу вспоминать.

Очень сложно сохранять самообладание, когда что-то происходит с тобой впервые в жизни. Этот благотворительный прием, стилизованный под маскарад, где почти все спрятали свои пафосные и чопорные лица под экстравагант-

ными масками, – настоящий глоток свежего воздуха.

Еще бы. Ведь с четырнадцати лет моим постоянным местом проживания является тесная, сдавливающая своими прутьями тюрьма, которая называется «оковы отцовской любви и гиперопеки» имени Доминика Ди Карло. Это даже звучит удушливо, не так ли? Даже сами мысли о деспотичном опекуне всегда застревают занозами в моей голове.

О да! Мой дядя и законный опекун когда-то прочно затынул на моей шее крепкий поводок. Образно, разумеется, но от этого не легче. Посадил на цепь, сделав меня заложницей фамильного особняка Ди Карло. Он находится не так далеко отсюда, тоже на Лонг-Айленде, а если быть точнее, в самом элитном его районе.

Золотой берег – мекка нью-йоркской элиты.

Роскошные виллы и резиденции, утопающие в огнях, эксклюзивные машины, знак «премиум» на каждой вечеринке и приеме, масштаб которых позавидовал бы даже Гэтсби.

Для кого-то жизнь в этой приторной роскоши – это дар небес, привилегия от рождения или недостижимая мечта. Ну а для меня – самая настоящая темница, из которой я бы с удовольствием сбежала в далекие края и страны. Путешествовала дикарем, пела в подземных переходах уютных европейских городов, и каждый раз протягивала руки навстречу легким порывам ветра, гордо раскрыв два больших крыла души. Пока такая тотальная свобода может мне только сниться...

Но сегодня мой день, мой вечер. Я сбежала из фамильной резиденции, заплатив за «шалость» нервными клетками и выбросом адреналина в кровь. Мне несказанно повезло, что мой дядя Доминик Ди Карло на целую неделю уехал из страны, невольно ослабив свой незримый аркан любви и заботы. Не без помощи союзников в доме мне удалось сделать побег идеальным, и я уверена, что никто не заметит моего короткого исчезновения.

Шесть лет взаперти. За это время я никуда не выезжала дальше Золотого берега, не считая регулярных посещений музыкальных уроков, и то с толпой охраны. При этом всем я учусь на врача и параллельно профессионально занимаюсь вокалом, в свободные минуты изучаю итальянский и французский. Я не имею права выходить за пределы дома и сада семьи Ди Карло и давно смирилась с таким положением вещей, и на то есть веские причины.

Я знаю, что дядя многое запрещает мне, потому что заботится и очень сильно любит меня. И я искренне благодарна ему за все, потому что без Доминика я была бы обречена, а моя жизнь – оборвана.

Что ж, не хочу думать о грустном. Самое время насладиться моментом и почувствовать себя принцессой или героиней романа. Здесь, стоя за кулисами, я представляю себя взволнованной Наташей Ростово́й, которая точно так же предвкушала свой первый бал, задыхаясь от трепета в тесной и прохладной карете по пути туда. О да, за шесть лет «заключе-

ния» я успела хорошо изучить не только американскую, но и иностранную классику.

Книги стали для меня единственным источником эмоций и способом получать разнообразный жизненный опыт.

– Я люблю учиться, Майкл. И хочу помогать людям. – Сердце сжимается, когда я вспоминаю о маме и папе, которых, возможно, могли спасти, если бы скорая приехала раньше. Я не виню врачей и обстоятельства в произошедшем, я понимаю, что их гибель – результат роковой случайности, и все же нахожу истоки своего желания быть врачом именно в потере близких.

Естественно, я нахожусь на домашнем обучении. Дядя купил мне лучших профессионалов своего дела и организовал целую аудиторию для практики. Я бы не отказалась стать великим хирургом, хотя кого я обманываю? Я готова петь за гроши в придорожных барах, но не готова оперировать людей, даже если мне будут платить миллионы.

Хотя, признаться, времени хватает на то, чтобы развиваться во всех направлениях. Я занимаюсь этим двадцать четыре на семь, а моя жизнь состоит из нот, учебников и иностранных слов. У меня нет друзей, социальной жизни, и даже скажу больше: о моем существовании мало кто знает. Доступ в интернет мне ограничен, он включает в себя только познавательные сайты. Я не жалуясь и радуюсь, когда удается сбежать в такие дни, как сегодня.

Обычно я убегаю туда, где никто меня не найдет. И так,

чтобы дядя никогда об этом не узнал. Уж слишком нестабилен и жесток он бывает в гневе.

Я видела.

Панические атаки, удушливый страх, ночные кошмары – неизменные спутники моей жизни. Но это все ерунда, потому что я живу мечтой о долгожданной свободе... и одновременно страшно боюсь этого огромного, неизведанного мира, который может поглотить меня, пережевать и выплюнуть.

– Все, Мия. Пошли. Слышала? Нас объявили. – Майкл подмигивает мне, и под аккомпанемент аплодисментов собравшихся мы выходим из-за кулис. Мысленно пытаюсь договориться со своими дрожащими коленками, добираюсь до черного рояля на сцене и аккуратно выдыхаю, отпуская все свои страхи, представляя, что нахожусь наедине со своим преподавателем по вокалу и на меня сейчас не устремлены сотни высокомерных и критичных взглядов.

К своему собственному удивлению, я полностью расслабляюсь и отдаюсь порыву эмоций, что охватывают меня во время исполнения партии Кристины из «Призрака Оперы». Слова, музыка, гармоничная полифония звуков с надрывом – все это переносит меня в Париж, в историю любви девушки и ее возлюбленного, а также таинственного, одержимого Кристиной Призрака, скрывающегося в лабиринтах и подземельях оперного театра.

Прикрываю глаза, ощущая, как по телу бежит табун приятных мурашек, когда я с легкостью беру самые высокие,

кульминационные и сложные ноты. В игру вступает Майкл, исполняющий партию Призрака, а мне лишь остается одарить всех гостей загадочной улыбкой. Я почти никого не вижу из-за света, направленного мне прямо в лицо.

А потом сердце вдруг резко пропускает удар. Казалось бы, просто так, без веской причины. Дух захватывает, как перед прыжком в бездну, и я не понимаю, какого черта мои ладони снова предательски потеют. Кожей ощущаю легкий покалывающий ток, концентрирующийся в области моих ключиц.

Мне знакомо это чувство.

Ощущение на себе сильного взгляда.

Острого, как лезвие.

Обжигающего, как раскаленная добела сталь.

Неужели мой дядя здесь? Кто на меня так пристально смотрит, что я это, черт возьми, всем нутром чувствую? Обычно так я воспринимаю его присутствие и тотальный контроль опекуна над моей жизнью.

Я инстинктивно приподнимаю голову вверх и сразу нахожу источник «прицела» на балконе зала. Если бы я сейчас увидела там сталкера с наведенным автоматом, то испугалась бы меньше. Но я увидела его.

Мужчину в маске Призрака. В белой маске Призрака Оперы, той самой, что я видела в фильме и какую представляла, когда читала книгу.

Пол уходит из-под моих ног, когда я встречаюсь взглядом с таинственным незнакомцем, облик которого совершенно

четко выделяется среди всех гостей.

Как так вышло? Почему он в таком образе? Совпадение или один из верных псов дяди заметил мой побег и решил так поиздеваться надо мной, запугать меня, прежде чем взять меня и насильно вернуть в дом? Неужели, как только я закончу петь, меня схватят слуги Доминика и мои телохранители? Или они сделают это прямо на сцене, чтобы случившееся стало мне уроком и я никогда не забыла о подобном позоре.

Так. Стоп. К чему эта паника и паранойя? Мия, очнись! Разве этот мужчина не может оказаться просто зрителем и гостем в случайно выбранной маске, который просто смотрит на тебя так, потому что очарован и увлечен твоим голосом?

Я не должна исключать такой вариант.

И я не могу всего на свете бояться, хотя это сложно, когда ты живешь взаперти и совершенно изолирована от людей большую часть времени.

А может, мне просто кажется? И если я закрою глаза и вновь их открою, то этот мужчина с бешеной энергетикой, которая невидимыми волнами обволакивает меня с головы до ног, исчезнет?

Страх, трепет, предвкушение, интерес. Искры по телу. Любопытство. Жажда узнать, кто он. Лавина противоречивых чувств заворачивает меня в кокон, в котором я теряю способность дышать.

Когда в сердце просыпаются истинные, глубинные и подавленные эмоции, остановить их уже трудно. Крики родителей и самые болезненные кадры из прошлого острыми щупальцами пронзают виски. Мелкая дрожь по телу, кратковременная агония, боль... сдерживаю крик, плотно сжимая губы.

Только бы вовремя начать петь, не ударить в грязь лицом, расслабиться.

Когда я открываю глаза, мужчина все еще стоит на балконе. Нас разделяет пять метров в высоту, совершенно небольшое расстояние. Поскольку света на балконе нет, его я вижу вполне отчетливо, в отличие от остальных. Настолько отчетливо, что могу даже разглядеть, как вздуваются вены на его руках, когда он сжимает парапет из серого камня. Хотя, судя по неподвижности его острых скул, совершенно не скажешь, что он взволнован или очарован моим голосом. На самом деле мужчина больше напоминает статую.

Гранитную, холодную, при этом источающую уверенность, решительность, мужественность.

Власть.

Неизбежность.

Я никогда не чувствовала ничего подобного по отношению к человеку, с которым не обменялась и парой слов.

И что-то мне подсказывает, что дело не только в его образе, в котором он появился на благотворительном приеме. Я ощутила бы все это, будь он в любой другой маске или вовсе

без нее, и теперь все, о чем я могу думать, – это как он выглядит и что скрыто под маской.

Господи, как бы собраться. У меня впереди еще одна песня. Куда более легкая и лирическая, но и во время ее исполнения загадочный мужчина не сводит с меня глаз, заставляя умирать от любопытства и волнения. Тем не менее я нахожу в себе силы больше не смотреть в его сторону и отдаться на сцене Майклу... в творческом порыве и нашем отрепетированном дуэте.

Глава 2

*Иной раз прекрасные глаза ранят куда больше,
чем свинцовая пуля.*

Майн Рид. За сутки до маскарада

КИАН

– На этот раз войны не избежать. Несмотря на заключенное когда-то перемирие, Ди Карло продолжают заходить на нашу территорию и первыми бросают нам вызов, регулярно срывая поставки товара из-за океана. Как вы все уже знаете, в прошлый четверг был убит Оливер Коллинз – начальник порта в Бостоне, с которым наша «семья» сотрудничала много лет, – обвожу взглядом всех присутствующих на регулярном собрании капитанов.

Мы все, так или иначе, члены «семьи» Энтони Морте – неважно, носим мы его фамилию или нет. Босс – прямой потомок самых первых представителей итальянской *cosa nostra*, эмигрировавших с Сицилии в США в двадцатые годы, в эпоху «сухого закона». Многие преступные «семьи» тогда перекочевали в Америку с целью избежать правосудия на родине. Но я не буду рассказывать вам подробности происхождения нашего клана и искать в чередке кровавых и ужа-

сающих событий их первоисточник и момент, когда все началось, врата ада раскрылись и разнузданная криминальная деятельность превратилась в многомиллиардный бизнес.

Многое изменилось с того времени, хотя некоторые традиции клана нерушимы. На сегодняшний день наша «семья» имеет строгую иерархию и омерту – кодекс чести, нарушение которого карается смертью. Есть также ряд правил, которые желательны к соблюдению.

В самом низу иерархической лестницы находятся «соучастники» – пешки и жаждущие получить официальное приглашение в клан, пройти обряд посвящения. Затем идут «солдаты», состоящие в отрядах «капо», или «капитанов», которые возглавляет преемник босса или его заместитель. На вершине этой адской пирамиды восседает босс, каких на Сицилии называли «доном» или «крестным отцом». Многие и сейчас обращаются к Энтони Морте «крестный», но меня лично тошнит от подобного пафоса. Несмотря на итальянскую горячую кровь, я вырос и жил в Америке, поэтому не так часто пользуюсь своим вторым родным языком.

Пять мужчин, которые сидят сейчас по обе стороны от меня в просторном конференц-зале, слушают едва дыша, внимая каждому моему слову. Еще бы. Никто не хочет лишиться еще одной партии товара, а значит, и денег, процента своей прибыли. Со стороны может показаться, что мы являемся членами быстроразвивающейся компании и собрались на совете директоров с целью обсуждения дальнейшей страте-

гии развития. Можно сказать и так, дресс-код у всех соответствующий.

Черные костюмы, белые рубашки, серые галстуки. Мы выглядим как долбаные «белые воротнички» с Уолл-стрит или политики, многим из которых я не раз жал руку. И почти все из них всегда подавали мне ее под углом «покорного рукопожатия» – сознательно или нет признавая мое превосходство и власть над ними.

– Поскольку Оливер был мертв к моменту принятия груза, мертвы оказались и наши финансовые договоренности с ним, – продолжаю размеренным и деловым тоном вещать я. – И это не первый случай вмешательства Ди Карло в наши дела за несколько месяцев. Грядет внеплановый сбор комиссии¹, но мистер Морте настаивает на агрессивном давлении. Он по горло сыт цивилизованной и медленной информационной войной, которая пришла на смену перестрелкам и кровопролитию. Завтра в особняке одного из членов федерального суда Гидеона О’Коннела, расположенного на Золотом берегу, планируется важное мероприятие. Как по нашему заказу, стилизованное под бал-маскарад. Не исключено присутствие специальных агентов, политиков и представителей профсоюзов, влиятельных бизнесменов. Это будет благотворительный вечер, культурное мероприятие. Ничего особенного – музыканты, песни, танцы, продажа картин

---

¹ Высший орган американской мафии. Занимается мирным урегулированием конфликтов между «семьями». – Здесь и далее прим. автора.

и прочего антиквариата... все это для отвода глаз, вы и сами прекрасно знаете цели и задачи таких сборищ. В прессе напишут, что все вырученные деньги с данного мероприятия пойдут на постройку новой больницы в районе Лонг-Айленд. Сомневаюсь, но нас волнуют не деньги и даже не переговоры.

Я смотрю на главного капитана, который будет ответственен за завтрашнюю операцию. Риккардо Сандерс – один из немногих членов «семьи», которому я могу доверять. В нормальной жизни наши отношения можно было бы назвать дружбой, но не думаю, что этот термин уместен, учитывая специфику нашей деятельности.

Я также буду присутствовать на этом вечере, взяв на себя контролирующую функцию.

– Нас интересует «семья» Ди Карло, – прочистив горло, начинает Сандерс, когда я взглядом передаю ему слово.

– Ты собрал необходимую информацию об объекте?

– Она перед вами. – Сандерс открывает черную папку перед собой, и все остальные капитаны синхронно копируют его действие. Я открываю свою последним. Минуту рассматриваю портрет девушки и собранную о ней информацию. Внимательно оцениваю внешний вид, отметив про себя то, что у нее достаточно крупные и выразительные черты лица. Огромные и круглые карие глаза, пухленькие губки и оливкового цвета кожа, говорящая об итальянских корнях.

Красивая девушка, каких вокруг много.

– Самая младшая и любимая дочь Доминика Ди Карло. Аннет. Мы захватим ее для дальнейших переговоров с «семьей» Ди Карло, в которых у нас должно быть преимущество.

– Это очень большой риск. Простите, сэра, но вы уверены, что нам стоит это делать? – Голос подает еще один капитан. Поднимая на него взгляд, читаю в расширенных зрачках страх и неуверенность.

Мягкотелость, расхлябанность, мнительность.

Многие годы мы не вели открытую войну. Похищение дочери Ди Карло приведет к смертям с обеих сторон. Некоторые «семьи» и раньше срывали наши поставки, заходили на территорию Морте, и мы не предпринимали таких действий.

– Почему именно сейчас? – звучит вполне справедливый вопрос, но его стоило бы задать не мне, а боссу.

Когда Энтони Морте щелкает пальцами, а в его безумную голову врезается какая-либо маниакальная идея, – мы все оказываемся на шахматной доске, где не имеем иного выбора, кроме как отыграть свою партию.

– Об этом позже, Карлос, – обращаюсь к капитану. – Похищение Аннет – приказ босса, и он не посвящал меня в подробности и не отвечал на вопрос: «Почему сейчас?». Просто делайте свою работу, парни. К тому же другого шанса не будет. Доминик Ди Карло редко покидает город, а вчера вообще уехал из страны, а значит, в защите его драгоценной девочки можно найти брешь.

– С чего вы вообще взяли, что девушка там будет? И как мы найдем ее, если все гости будут в масках?

– Она встречается с сыном крупного банкира, разумеется, он приглашен, – поясняет Рик. – Она будет рядом с ним и, скорее всего, в окружении охраны под прикрытием.

Следующие полчаса мы обсуждаем детали операции по похищению Аннет. Атмосфера всеобщего хладнокровия угнетает меня, но я не позволяю эмоциям взять власть над разумом. Есть определенная причина, по которой я делаю то, что должен, но, думая о ней, я становлюсь слабее, а собрание капитанов «семьи» не самый подходящий момент для самокопания и сентиментальности, захороненной где-то в самом эпицентре моей истлевшей души.

– Киан, я узнал кое-что еще. Но тебе это не понравится, – задерживает меня Рик после, когда все капитаны расходятся. Кидаю поспешный взгляд на платиновые часы, замечая, как рука, сжатая в кулак, напрягается до побеления костяшек пальцев.

– Выкладывай, – сухо бросаю я, глядя на тревожное выражение лица Рика.

– Ходят слухи, что Аннет Ди Карло – не самая младшая дочь Доминика. Говорят, что есть девушка, которую он круглосуточно держит в четырех стенах и чуть ли не молится на нее, в то время как Аннет ведет относительно свободный образ жизни. К тому же она бунтарка и часто конфликтует с Домиником.

– Ты задержал меня, чтобы поделиться непроверенными сплетнями? – с раздражением спрашиваю я, свысока глядя на Рика. – Прости, брат, но указания Энтони были вполне четкими. Взять Аннет. А об этой затворнице узнай побольше и проверь информацию, которой со мной делишься. Я подумую, что с ней делать. Договорились?

– Договорились, босс, – ухмыляется Рик. – Просто я рассчитывал на то, что по дружбе ты расскажешь мне обо всех подводных камнях. У меня есть основания полагать, что это не только слухи. Уверен, что за похищением Аннет стоит что-то большее, чем просто обретение преимущества в переговорах и дележке территорий. Мы должны знать об истинных целях, Киан. Должны знать все о том, что нужно Энтони. Иначе будем бороться вслепую. За семью, но... вслепую, – с тяжелым вздохом произносит Рик, нервным жестом поправляя густую шевелюру пшеничных волос.

Я знаю, что Рик прав, но не могу рассказать о том, о чем еще в полной мере не осведомлен сам.

– Придет время, и вы узнаете все детали и цели Энтони. Первая задача – взять дочь врага. Не вредите ей без причины, но если будет сопротивляться – примените силу. Без нанесения увечий, – раздаю бесстрастные указания. – На сегодня все, Рик. Я спешу.

Быстро покидаю конференц-зал, проскальзывая в едва освещенный коридор нашего офисного здания. После полуночи здесь проблемы со светом. Стены имеют зеркальное по-

крытие, что создает чертовски зловещий и неприятный эффект. Эффект того, что за мной наблюдают. Но куда бы я ни посмотрел, единственный наблюдатель, которого я могу видеть, – это я сам.

Двигаясь вперед, поворачиваю взгляд и вглядываюсь в свое отражение – наспех замечаю такое знакомое и абсолютно бесчеловечное выражение лица Киана Морте. Железная маска, которую я ношу уже очень много лет. Кстати, о масках... надо будет сказать ассистентке, чтобы приготовила лаконичную и простую, без всей этой типичной венецианской вычурности.

Вспомнив о комментарии друга, осознаю, что Риккардо всегда отличался тем, что умел видеть дальше своего носа, за это я его и уважаю.

Но было бы глупо рассказывать Рику детали плана Энтони, учитывая то, что даже сам дон мало осведомлен о веществе, которое ему необходимо.

О веществе, за которое все пять семей могут поубивать друг друга, не оставив на фамильном древе живого места.

Энтони назвал это вещество «цветком бессмертия».

И я еще не знаю, что это, блядь, такое.

Но я узнаю. Узнаю, что так до одержимости нужно нашему, мать его, боссу.

И если он так маниакально в нем нуждается и живет мечтой об обладании «цветком», значит, я должен заполучить его первым. Не для него, а для себя.

Потому что мой единственный шанс на спасение и бегство из этой проклятой «семьи» – это обладание тем, что Энтони Морте дороже жизни.

Прежде, чем я продолжу, вы кое-что должны знать обо мне.

Есть несколько моих личных правил и убеждений, которые лицемерно противоречат кодексу чести «семьи» – омерте и другим многовековым традициям кланов мафии.

Каждый сам за себя.

Выживает сильнейший.

Мы приходим в одиночестве в этот мир и уходим аналогично.

Люди, подобно животным, делятся на хищников и добычу. И это нормально.

Чувства, зависимости, истинные привязанности – это слабости, которые я не могу себе позволить.

Одной ахиллесовой пяты в жизни мне вполне достаточно.

Истинной привязанностью я называю ту, что выходит за рамки клановых и семейных. В «семье» Морте все так или иначе подчиняются одному человеку – боссу клана, Энтони Морте. И, как правило, из страха подохнуть мучительным образом, остаться без денег, власти, ощущения значимости и защиты мафии.

«Семья» имеет строгую иерархию, где каждый знает свои задачи и цели и служит, в конечном счете, самой верхушке – отцу, который без труда способен найти уязвимую точку у

любого человека и давить на нее до конца дней жизни солдата.

Подчиняться не в моих правилах. Не в моем характере.

Я скорее сдохну, чем преклоню перед кем-либо голову, даже перед Энтони Морте.

И я ненавижу каждую проклятую секунду, в которую я вынужден жить и действовать, соблюдая его законы и правила игры.

Все мое существо стремится к тому, чтобы подчинять самому, завязать на каждом невидимую нить управления, которую я при необходимости смогу натянуть до предела, ментально взяв «шестерку» за горло.

Казалось бы, сделать из меня марионетку невозможно. Но и в моей стальной броне нашлась брешь.

Я долго сопротивлялся, всю жизнь убегая от своей темной сути, от генов хищника, закодированных в моем ДНК.

Но от самого себя убежать нельзя.

И я совру, если скажу, что быть частью криминального мира мне не по нраву, что ощущение власти не туманит и не пленит мой разум, позволяя забыть о... черт, прочь. Не стоит погружаться в сентиментальные воспоминания и прокручивать в памяти моменты, когда в темной бездне моей судьбы вспыхнула она – мощнейшая вспышка света.

Я был вынужден стать частью преступного мира. И я должен быть частью «семьи», клана, пока моя вендетта не обрушится на виновников определенных и разрушительных со-

бытий, а я не найду способ вернуть самое бесценное, дорогое... возможно, навсегда утраченное.

Сокровенное.

Казалось бы, со времен первых пещерных людей прошло более десяти тысяч лет, и человечество могло бы стать более осознанным, мудрым. Куда менее диким, кровожадным, беспринципным.

Современные технологии заменили нам древние орудия труда, а оружие стало смертельно быстрым и мощным. Мы обернули себя в роскошные интерьеры и дорогую одежду, но не стали цивилизованнее дикарей, до последней капли крови воевавших за свои территории. Они рвали друг другу глотки во имя «вождя», загоняли под ногти шипы, пытая пленных, и добывали бесценную информацию для племени.

Мало что изменилось.

Хорошие манеры, кодексы чести, вынесение официально-го приговора перед нападением – все это пыль в глаза.

Мишура и видимость развитости, пелена для глаз «мирных жителей». Так называемых добропорядочных граждан в бесконечной игре мафии, правоохранительных органов и правительства.

В этой игре не так важно, кто ты: член китайской триады или итальянской *cosa nostra*. Находишься ли ты внутри преступного синдиката, противостояшь ему в рядах полиции и ФБР или являешься жертвой...

Неважно, потому что вне зависимости от того, кем ты яв-

ляешься, тобой, как и дикарем из древнего племени, руководят инстинкты.

Инстинкт самосохранения.

Продолжение рода.

Стремление к власти.

И в моих поступках часто нет так называемой логики.

Логика поступков личности – это иллюзия, потому что, если мы начнем разбирать ее, делить на части, мы придем к тому, что у истоков все равно стоят основные инстинкты.

Я достаточно мудр, чтобы благосклонно признать то, что мы по-прежнему живем в пусть и «каменных», но «джунглях» – в месте, где правят законы природы и естественный отбор.

И когда я поднимаю кольт и направляю его на дрожащего от страха человека, мной руководит не жажда убить и отнять душу, а банальный инстинкт.

Мы не убиваем без необходимости, а высшие члены мафии не делают это своими руками. Но правда в том, что, когда босс клана отдает приказ, щелкая пальцами, ни у кого из нас не остается выбора.

Кто-то назовет меня бессердечным животным, дьяволом во плоти, и я не стану оправдываться, погружать обвинителя в причинно-следственную связь и объяснять, как все есть на самом деле.

Мне проще признать, что я до мозга костей грешен и после смерти попаду в ад.

Я давно смирился с этим и, наверное, даже подсознательно стремлюсь к саморазрушению, потому что в моей жизни не так много смысла.

Наказать виновных.

Спасти невинных.

Тысячу раз в процессе свершения своего личного правосудия нарушить кодекс чести «семьи» и не погибнуть раньше времени.

А потом можно и в ад отправиться.

Так что в этой истории не будет «героя».

Здесь я – протагонист и антагонист в одном лице, и я знаю, что каждый из вас в глубине души чувствует, что в своей судьбе вы также играете две эти роли, а главный бой, длиною в жизнь, который ежедневно ведет каждый из вас, – это всегда бой с самим собой.

Итак, я не герой, хотя многие, взглянув на меня, сказали бы «джентльмен». Гангстеры и члены мафии давно закрыли свои лица красивыми и цивилизованными масками и лишней раз не спешат марать руки и проливать кровь, предпочитая доминировать с помощью рэкета, подавляющей силы, установленного авторитета клана, о котором позаботились предки.

Никому из «семей» не нужны проблемы с полицией и прочими специальными службами – это лишние траты денег и головная боль, хотя купить можно все, и дороже всего – молчание.

Стать частью этой «семьи», теневой и грязной «элитой» – не мой выбор.

Все началось с того момента, когда я впервые нажал на курок. Я не хотел никого лишать жизни, но мною двигал инстинкт выживания, это была самозащита, но человека, умолявшего меня о пощаде, не стало.

Мне было девять, и я убил, чтобы выжить. Дальнейшие события, посыпавшиеся на меня как из рога изобилия, привели меня в преступный клан.

Я старался сбежать из «семьи», и однажды мне это удалось. Но мой поступок повлек за собой необратимые последствия, сделав оковы клана еще крепче.

И я знаю, как освободиться от них. Где искать возмездие. В пепле души Доминика Ди Карло – главного врага не только Энтони Морте и нашего клана, но и моего личного.

Делаю глубокий вдох, ощущая, как мои чувствительные к запахам рецепторы раздражают приторно-пряные духи светских суч... точнее, дамочек, прибывших на благотворительный вечер.

К ним добавляются раздражающие ароматы декоративных цветов, в которых утопает все – помпезная лестница с позолоченными перилами и прочие элементы вычурной обстановки, переносящие в Европу прошлых веков. Столы для гостей ломятся от изысканных закусок и самого дорогого алкоголя, но в кругах «высшего света» принято неспешно выпивать один-два бокала в течение всего мероприятия.

Здесь так много этих никому не нужных долбанных правил. И совсем неважно, что за всей этой торжественностью, церемонностью и напыщенностью скрываются тонны фальши, лицемерия, духа двойственности, которыми насквозь пропитаны подобные сборища.

Бал-маскарад, мать его. Почему сильные мира так любят устраивать цирк? И прикрывать обсуждения грязных дел и съем эскортниц, каких тут, бесспорно, много, благотворительными вечерами. Сомневаюсь, что хоть один цент из взноса за вход попадет в карманы нуждающихся, а вырученные деньги за проникновение в особняк минуют кошельки организаторов.

Хотя меня не должно все это так раздражать.

Подобные вечера нам и нашей деятельности только на руку.

Особенно сейчас, когда необходимо поймать конкретную дичь и подергать ее за лощенные перышки.

Идеальное время и идеальное место для похищения дочери Доминика Ди Карло.

Попадаю в главный зал в сопровождении своей сводной² сестры.

Девушка, олицетворяющая собой порочную женственность со всеми ее оттенками. Манерная, наигранная, жеманная, распутная, гнилая, грязная, несмотря на светлые глаза и волосы пепельного оттенка. Белокурая бестия, которая по-

---

² У сводных братьев и сестер нет кровного родства.

жирает мужские сердца на завтрак, обед и ужин. Хотя сердца ли? Эту суку не оторвать от члена, и я уже давно брезгую вставлять ей в рот.

С ней нельзя ослаблять хватку. Пэм понимает, только когда с ней грубо и жестко. Слабаков и мягкотелых она берет за яйца и «высасывает» из них абсолютно все – деньги, ресурсы, нервы.

– Тебе так идет эта маска, Киан, – томно мурлыкает на ухо Памелла, берет меня под руку и слегка виснет на моем плече. – Хочу, чтобы ты поимел меня в ней.

Пэм касается кончиками пальцев моего затылка, прекрасно зная, как на меня это действует. Сучка.

– Словно загадочный незнакомец в маске, которого я впервые встретила на этом балу... Как тебе идея? Новая ролевая игра. Я вся в предвкушении, – мечтательным тоном напевает девушка, предлагая мне то, что мне сейчас абсолютно неинтересно. Хотя секс мне интересен всегда, определенно. Но Памелла приелась изрядно, словно пережеванная жвачка, давно потерявшая свой вкус.

Ее флирт мне противен.

Слова и предложения – скучны. Даже бровью не веду, ощущая в груди ледящую пустоту.

Я давно пресыщен красотой женских тел, которые «копируются» у одного нью-йоркского хирурга. Все они – одноразовый пластик, фальшивка. А то настоящее, что было моим и помогло познать абсолютную любовь и счастье, уничтоже-

но.

Ванессу я не верну с того света. Не верну... ни ее, ни свою мать, ни другую жизнь и судьбу, которая могла бы у меня быть.

И я не хочу думать о Несс, потому что мои мысли, возвращение в воспоминания ничего не изменяют. В них нет никакого смысла.

Она мертва, и часть меня навсегда умерла вместе с ней. Самая человечная часть, пожалуй.

– Какая ты грязная девочка, – снисходительным жестом убираю цепкие пальчики Пэм подальше от себя. Обхватив ее впалые скулы большим и указательным пальцами, выдыхаю сквозь сжатые зубы: – Может, хватит цепляться за меня? Ты все-таки помолвлена, – небрежно отпускаю, многозначительным взглядом выстраивая непробиваемую стену между нами.

Девушка отвечает мне оскорбленным взором и манерно поджимает накачанные губки.

У нас нет кровного родства, и, разумеется, мы трахались. Чувств во мне наше совокупление никогда не вызывало, в отличие от Памеллы.

Она подсела.

С первого раза.

Хотя старается не подавать виду и «липнет» лишь изредка. Соблазняет меня, наивно полагая, что качественным сексом можно привязать к себе мужчину. Фатальная ошибка

всех женщин состоит именно в этом. На самом деле для нас, в большинстве случаев, секс – это способ сбросить напряжение в паху, получить удовольствие, разрядку, а вот для них... это способ ощутить себя нужными, любимыми. И привязываются после секса к нам именно женщины, а не наоборот.

Хотя я искренне не понимаю, что с психикой у этих девиц, которые после одного раза со мной жаждут добавки.

Мне чужда забота, нежность и внимание к партнерше.

Я беру этих легкодоступных крошек жестко, не задумываясь об их чувствах и не церемонясь с потаскухами. Абсолютно эгоистично я думаю только о своем удовольствии, прекрасно понимая, что они текут от одних лишь легких моих касаний. И это не нарциссизм, а, к сожалению, факт. Я упиваюсь властью, когда до красноты на коже сжимаю дрожащие и трепещущие тела, полностью признающие мое господство.

Жестко, грязно, больно. С продажными суками, что окружают меня, иначе невозможно. Большого они не заслуживают.

Есть, конечно, особенные женщины. Они попадают мне чертовски редко, так как я не часто бываю в местах их обитания. Они вращаются в другом, мирном и спокойном (как им кажется) мире.

Музы и феи, которые наполняют что-то внутри... От продажных шлюх и эскортниц, каких в моем окружении много, их отличает одно: они – настоящие.

И эти женщины все равно что редкие алмазы, спрятанные

в глубоких слоях горных пород. Нужно хорошо поискать или случайно наткнуться, обратить внимание, заметив их внутренний блеск и сияние.

Я давно оставил Пэм позади и, минуя собравшихся в кружки по сплетням и интересам гостей, поднимаюсь на второй этаж, где меня уже ждет Рик.

Здесь я смогу остаться незамеченным до операции, которая начнется именно тогда, когда подчиненные и кандидаты на вступление в клан вычислят дочь Ди Карло – Аннет Ди Карло – и получат ее в наше распоряжение.

– Еще не нашли? – сухо интересуюсь я у Риккардо, который уже занял свою позицию на балконе большого зала в особняке, возвышаясь над всем этим лицемерным стадом.

– Нет. Все в масках, и найти объект сразу весьма затруднительно. Думаю, на поиск уйдет максимум час.

– Тридцать минут. Передай всем, что у них тридцать минут, – вкрадчивым тоном отдаю приказ Рику, и слышу, как легкая фоновая музыка на маскараде сменяется напряженными аккордами электронного органа. Поворачиваюсь корпусом к сцене, обращая внимание на то, что в шумном пространстве стало подозрительно тихо, светский базар вдруг резко прекратился, а взгляды всех рафинированных снобов вдруг устремились к центру зала.

Сначала я услышал мелодичное, нежное, терпкое, чувственное сопрано. Голос, созданный для колыбельных, звучащий с легким волнением и надрывом... В горле за мгно-

вание развернулась пустыня, а язык прилип к небу. Я думаю, все присутствующие в этом зале испытали сейчас примерно то же самое, черт возьми.

Никогда не отличался сентиментальностью. Искусству не дано дотронуться до моего сердца... Я так думал.

До этой секунды.

А потом я вижу исполнительницу, обладательницу уникального голоса. Девушка поет на итальянском – разумеется, я не мог не обратить внимание на свой второй родной язык, и даже прощаю ей грубые ошибки в произношении, подавшись очарованию ее голоса.

Слово «муза» беспощадно пульсирует где-то в глубинах сознания, заставляя меня инстинктивно и жестко сжать руками балконную перекладину и выйти из тени с целью лучше рассмотреть девушку.

То, что я вижу, действует на меня как гребаный удар под дых.

Удар резкий, мощный, накрывающий внезапной снежной лавиной, взрывающий внутри спектр эмоций, каких я не испытывал очень давно.

Удар, который парализует каждую клеточку тела, оставляя в движении лишь сердце, которое, наоборот, спешит обернуться бомбой и взорваться в груди.

Я не знаю, красива ли эта девушка, поскольку ее лицо почти полностью скрывает маска, но в остальном ее образ – это точное попадание в воспаляющие мое нутро триггеры.

Она вся – сплошной триггер для моих инстинктов.

И мне не нужно разглядывать ее ближе, не нужно знать, какая она, чтобы всей кожей ощутить притяжение, манящее к загадочной певице.

Есть в ней что-то до боли знакомое. Зыбкое, призрачное, легкое... едва уловимое, словно постоянно ускользающий свет.

Такая изящная и тонкая статуэтка. Она поет, скованным движением пытаюсь расставить в сторону руки, упакованные в длинные серебристые перчатки. Словно птица в клетке, которая не может полностью расправить свои крылья.

Мой взгляд медленно скользит по ее бледной коже с розовым подтоном, наверняка тонкой и чертовски чувствительной к прикосновениям.

Выпирающие ключицы и длинная шея, какие я видел лишь у грациозных танцовщиц. Шелк темно-синего платья плотно облегает ее хрупкую фигурку, от которой чертовски трудно оторвать взор, особенно когда она тоже поднимает на меня глаза и слегка вздрагивает, рождая во мне острое желание улыбнуться, а после ее непревзойденного выступления подойти к ней и увести куда-нибудь в уединенное место.

Удивительно, но эта маленькая не отводит взгляд и умудряется продолжать петь.

А что? Почему бы нам не познакомиться? С удовольствием закручу интрижку на одну ночь. Певиц у меня еще не было. Хотя не думаю, что ее талант нам пригодится. Но вот сам

голос у нее что надо, и, мне кажется, я могу в красках представить, как сладко она способна стонать и говорить с соблазнительным придыханием.

Совсем юная девочка, но уже можно. Ее возраст выдает абсолютно все: осанка, гладкая шея, движения рук. Естественная робость, не присущая женщинам. Невинность и чистота, от которой у меня перехватывает дыхание. Почему, блядь?

Ответ прост. Глубоко копать в себе не нужно.

В моей жизни так много жестокости, грязи, крови, потерь и падений в кромешную тьму, в бездну, что было бы странно, если б я не обратил внимания на то, что излучает свет. Знакомый мне свет, но все же другой, отличающийся от того, к которому я прикоснулся.

Все до банального просто: мы все, даже такие прожженные моральные уроды и беспринципные ублюдки, как я, ищем свет.

Черт, какого хрена я посвятил ей столь долгий внутренний монолог? Какого черта она завладела моим вниманием.

Не имеет значения. Я хочу ее.

Не Памеллу, не люблю другую в этом зале, что легко примет мое предложение после рабочего дня.

Хочу эту юную красавицу, лет на десять меня младше.

Возможно, глупую и наивную, но от этого не менее сладкую и манящую.

Сжать, смять в своих руках тонкую талию, жадно впиться

в губы персикового цвета, приглушенно подавив ее нежный стон своим рыком. Закусать до крови, накрыть собой, клеймить, использовать, испортить.

Очернить. Потушить. Погасить ее проклятый и яркий свет.

Чтобы больше не вызывала во мне таких чувств, не выделялась среди безликих дешевок.

Не зывала к человечности внутри меня своим ангельским голосом.

Накрыло, блядь. Да, я знал и помню, что так бывает.

Но после смерти Несс я не думал, что такое когда-либо повторится. И даже будет сильнее, острее... невероятно. Или я просто забыл?

Что-то в голове «щелкает», когда я напрягаюсь, пытаюсь вспомнить, мог ли видеть эту девушку раньше?

Да, она в маске, но есть что-то важное, что я вижу, но пока не осознаю. Какой-то знак, сигнализирующий мне о том, что мы встречались. Я выделил ее не просто так, иначе и невозможно.

Но где и когда? При каких обстоятельствах, черт возьми?

Ей не больше девятнадцати, я думаю. Мне двадцать девять. Понятия не имею, где наши пути могли пересечься.

Но что-то подсказывает, что интуиция меня не обманывает.

В горле вибрирует тихий рык, когда мой взгляд со скоростью автоматного прицела останавливается на «напарнике»

очаровательной певицы. Их ладони соприкасаются в воздухе, когда они начинают петь следующую композицию на итальянском языке, уже более мелодичную и романтическую, лиричную, а у меня внутри все горит, полыхает дьявольским пламенем, и ладони жжет от желания заткнуть ублюдка рядом с ней. Оторвать его грязные лапы от чистейшего света. И отрезать язык, чтобы не смел и не мог петь в унисон с этой девушкой.

Итак, я хочу ее. Я принял решение. И вынес ей свой приговор. И получу. Быстро, без промедления. И выкину из жизни и мыслей, чтобы не бередила в душе сгнившие остатки милосердия.

– Рик, ты знаешь, кто она? – нейтральным тоном интересуюсь я у Сандерса.

– Она? Киан, что у тебя за взгляд. Понравилась? – вздернув брови, любопытствует Рик.

– Не отвечай вопросом на вопрос, – холодно отрезаю я. – Кто она?

– Откуда мне знать, что за птичка-певичка. Уверен, что одна из дочерей богатеньких гостей. А они те еще дряни, с детства сидят на золотых горах, поэтому падки на деньги и власть. Классика. Я думаю, ничего особенного, Киан. Если хочешь, проверю. Но время понадобится.

– Не надо. Я сам.

Я не знаю отказов.

И не помню, чтобы женщина, на которую «встал» мой вы-

бор, сопротивлялась, не считая искусственного набивания цены и выпрашивания особенного отношения. Поскольку я и так избалован женским «да», мысль о том, что певица – легкая добыча, немного потушила мой пыл.

Но не слова Риккардо повлияли на это. А наблюдение за птичкой.

Не могу понять ее.

Словно полна противоречий. Да и танцует на сцене, соблазнительно виляя бедрами, заставляя посмотреть на нее иначе.

В ней есть надлом, какая-то трещина. И не только свет. Но и тьма.

Страх, вызов, табун внутренних демонов. Она подавляет их в себе.

Она представляет собой желание и грех, приглашение и отказ одновременно...

А после окончания второй песни просто уходит за сцену. И я уже знаю, что прямо сейчас пойду за ней. Операцию выполнят без меня, все и так продумано до мелочей.

Отдаю напоследок приказ Риккардо:

– Мне нужно уйти. Держи меня в курсе. Отправляй отчет каждые десять минут, – кидаю короткий взгляд на электронные часы на своем запястье, где буду ждать его сообщений. – И помните: не стоит быть с жертвой слишком грубыми, – имею в виду Аннет. – Ее нужно хорошенько напугать. Не бить. Мы же не животные, – больше напоминаю себе, чем

Риккардо.

Я уже не раз присутствовал на официальных мероприятиях в данной резиденции и поэтому знаю самый быстрый путь к коридору, расположенному за главным залом для приема гостей. Именно он разделяет общественную часть особняка и личные комнаты семьи О'Коннел.

Мной движет острое желание добраться до певицы, пока она не ускользнет в комнату, выделенную под примерную артистов и музыкантов на вечере, с этим оперным соловьем-мажором. Не знаю, откуда во мне эта злость и ярость по отношению к нему, но моя жажда выдрать ему перья, пульсирующая в сжатых кулаках, неоспорима.

Это просто вспышка внутренней агрессии, и я быстро беру ее под свой сознательный контроль, но сам порыв и факт... раздражает. Маленькая сладкоголосая певица почему-то чертовски сильно зацепила меня.

То, что происходит дальше, выходит за рамки разработанного на вечер плана. Тем интереснее. Хоть какое-то разнообразие в рутине криминального бизнеса.

Когда я бесшумно и незаметно миную замаскированных и по-прежнему театрально-фальшивых гостей в зале и двигаюсь по направлению к закулисному холлу, всем моим вниманием и слухом вдруг овладевает истощенный женский крик, в котором слышатся уже знакомые нежные нотки:

– Отпустите меня, ублюдки! Я не вернусь домой! Не вернусь! Я устала жить взаперти! Боже, неужели я прошу о мно-

гом? Хотя бы немножко, хотя бы капельку свободы! Капельку жизни, свежего воздуха! А-а-а!.. Не трогайте его! Он не виноват! Я сама сбежала! Майкл, нет! – на одном дыхании в истерике кричит девушка, пока я ускоряю шаг и, наконец, попадаю в эпицентр происходящего беспредела.

Я мгновенно реагирую на развернувшуюся в проходе картину привычным и доведенным до автомата жестом. Заметив удостоенную моего внимания девушку, удерживаемую двумя безликими мужчинами в смокингах и черных масках, которые с вероятностью сто процентов не являются членами клана Морте, достаю из внутреннего кармана пиджака кольт и направляю прямо на одного из смертников. От девушки и ее нападавших меня отделяет метров двадцать.

Если что, я не промахнусь. Хотя ранние выстрелы доставят нам много проблем. Вся операция может сорваться.

Кому эта крошка понадобилась? Кто она, черт подери? Хотя, судя по монологу, это ее телохранители, которые спешат вернуть юную птичку домой. Очевидно, у богатой девочки строгий папаша, подрезающий ей крылья. Вариантов на самом деле много, пока ее личность не установлена. Возможно, она замужем и ее ревнивому супругу не понравилось, что она вытворяла на сцене со своим партнером, которого уже скрутили двое, изрядно подпортив сценический образ. Бедолага корчится на полу, покряхтывая от боли. Сворачиваясь в защитную позу, он прикрывает раскрашенное кровью лицо одной ладонью.

На самом деле в момент, когда я вижу, как девушку сжимают до красных отметин на предплечьях, которые оставил не я, в моей голове почти нет мыслей.

И все происходит быстро.

Мое появление с оружием здорово отвлекает этих недоносков, и девушка, поймав нужный момент, вырывается из их плена.

На мгновение мне кажется, что сейчас она побежит в мою сторону, но, сделав всего шаг вперед и подняв взор на меня, дрожащая птичка резко разворачивается и умудряется ускользнуть от охраны, кинувшись вглубь коридора.

Я знаю, куда она выбежит. Выход в обоих концах холла ведет в ландшафтную зону резиденции, в фамильный сад, где я ее и догоню. Однако мои планы сделать это немедленно рушатся, как только два мощных смельчака направляются в мою сторону, по пути доставая из-за пояса оружие. Я не ошибся, когда подумал, что это охрана птички: это можно уловить по их манере доставать пистолет.

Я даже знаю, о чем они думают, когда двигаются в мою сторону, держа на мушке. Ожидают, что я буду пятиться, скроюсь в одной из комнат, попытаюсь убежать от угрозы выстрела или первой предупреждающей пули. Быть может, ожидают и моего выстрела, хотя я более чем уверен, что им тоже не нужна лишняя шумиха.

Как бы там ни было, происходящее не вызывает во мне ни капли страха.

Совершенно никаких эмоций. Внутри – ледяная пустыня. Сердце бьется ровно, как идеальные часы.

И я прекрасно знаю, что охрана не станет стрелять на столь официальном мероприятии, с кучей свидетелей за стеной. Это прерогатива таких, как я.

Удел наемников богачей – понты и бестолковое размахивание оружием. Поэтому с непоколебимой уверенностью я иду навстречу этим двоим и, почти поравнявшись с ними, замечаю секундное замешательство в их глазах, едва различимых за плотными масками.

Левой рукой направляю пистолет в голову одного телохранителя, правой вырубая второго одним точечным ударом под подбородок. Пока этот второй взывает от боли, нейтрализую первого, жестко надавив дулом на висок. Маска тут не поможет, если попасть точно в болевую точку.

Еще один хук вновь достается травмированному, и пока они оба находятся в шоковом состоянии, окончательно вырубая двоих.

Пушки забираю себе, небрежно смахнув пару пылинок со своего пиджака. Оглянувшись назад и удостоверившись, что в холле никого нет, а за стеной по-прежнему в своем ритме идет светская тусовка, отправляю голосовое сообщение Рику через часы на запястье:

– Рик, я знаю, что ты занят. Отправь парочку ребят во внутренний коридор, – наспех распорядившись на итальянском я, прекрасно зная, что все капитаны и солдаты идеаль-

но знают план особняка. Мы никогда не идем неподготовленными на такие мероприятия. – Тут небольшая проблема. Две проблемы, – выразительным тоном добавляю, глядя на павших мачо. – Прикрыть нужно. И заткнуть свидетеля. – Поэтому я говорю на родном языке. Этот полудохлый соловей все еще никуда не исчез, но благодаря маскам он не доставит нам много проблем. Его оставят живым. Но сделают так, чтобы он никогда и никому не рассказал о том, что здесь видел.

– Через две минуты будут, босс, – сразу отзывается Рик.

– Нашли девчонку? – успеваю поинтересоваться я, в быстром темпе направляясь к саду. Где эта чертова Аннет Ди Карло? Схватить ее, забрать и свалить бы как можно скорее.

Но Рик почему-то мне больше не отвечает. Бросив сквозь зубы парочку ругательств, вспоминаю про сбежавшую птичку.

Адреналин закипает в крови, разогревая вены, до жжения натягивая каждую мышцу. Думая лишь об одной цели, минуя бесконечные метры плохо освещенного холла, я выхожу в сад, делая глубокий вдох на свежем воздухе. Почти сразу мой внутренний радар вкупе с пристальным взглядом находит вдали синюю, быстро передвигающуюся по подстриженному газону точку. Далеко дуреха не убежала, но по какой-то причине со всей дури несется к пирсу семьи О’Коннел.

И бежит она к пришвартованной на Ист-Ривер³ яхте и

---

³ Сухоходный пролив в городе Нью-Йорк, между заливом Аппер-Нью-Йорк-

нескольким парусным лодкам так, словно убегает от самой смерти.

Я срываюсь с места, словно гончий пес, которому дали команду, и почему-то рассчитываю на то, что девчонку остановит конец пирса под ее ногами. Но стоит мне моргнуть, как она исчезает.

Какого черта? Прыгнула в пролив? Идиотка.

Ну ее на хер.

Я же не герой, мать ее, чтобы спасать, прыгать за ней в воду. Да и она наверняка умеет плавать. Что скажут капитаны, когда увидят меня в насквозь мокрой одежде к концу этого адского вечера?

Что-то в груди предательски сжимает, сдавливает как тисками. Слово разрастается неизвестная субстанция, поселившаяся между ребер. Уничтожить ее пока не получается, и я с отчаянным рыком вспоминаю тонкую фигурку девушки, облаченную в платье, подчеркивающее все изгибы.

Долбаная колдунья.

Заворожила меня, словно пыль в глаза пустила своим голосом.

Наваждение, с которым пока совладать трудно.

То, что я не вижу ее лица, а образ кажется знакомым, сводит с ума еще больше, заставляя желать запретный и неизведанный плод с двойной силой. Мне необходимо сорвать с

Бей и проливом Лонг-Айленд-Саунд, отделяющий нью-йоркские районы Манхэттен и Бронкс от Бруклина и Куинса.

птички маску... грубо, немедленно, обхватить выразительные скулы и впиться в полные губы, забрав ее сладкий голос, вкус. Ее всю.

Поэтому плевать, что скажут капо. Могу представить себе их удовлетворение, когда они увидят меня насквозь мокрым.

Глава 3

*Коль буйны радости, конец их буен;
В победе – смерть их; как огонь и порох,
Они сгорают в поцелуе.*

Вильям Шекспир

МИА

Суеверный ужас плотно сжимает меня в своих крепких оковах.

Мне давно не было так страшно в реальной жизни.

Во сне меня часто преследуют кошмары, а наяву моя жизнь представляет собой иллюзию счастливых и роскошных будней.

Я вижу в них родителей и снова теряю их самыми разными изощренными способами. Не только в автокатастрофе.

Иногда я вижу, как в маму и папу стреляют и они резко падают на землю, устремляя на меня свои пустые, стеклянные взгляды.

Пробуждаюсь от ощущения липкой испарины на коже и не могу прокашляться, побороть беспощадный приступ удушья.

Но одно дело – просыпаться в холодном поту в своей теплой и уютной постели. Нервно выдохнуть и прогнать чудовищный сон. А другое – оказаться в *реальной* ситуации, когда все нервы оголяются до предела.

Вены под кожей превращаются в раскаленные проводки.

Внутренности скручивает от страха, а сердце стучит в равном ритме «умри или беги».

Когда двое грубых ублюдков схватили нас с Майклом, я сначала ничего толком не поняла. Просто закричала от резкой боли, потому что церемониться со мной они явно не собирались и обхватили с такой силой, что я осознала сразу: если буду сопротивляться и пытаться освободить запястья, они мне непременно сломают руки.

Поведение мужчин, которых я вроде как приняла за подчиненных опекуна, повергло меня в негодование. Полнейший шок и состояние аффекта. Потому что вели они себя не как охрана моего дяди. Доминик Ди Карло никогда бы не позволил своим пешкам так обращаться со мной.

Прозвучит странно, но дядя любит меня. Знаю, что держит на коротком поводке в целях безопасности. Я не могу этого понять и принять, но это действительно так. Других причин быть не может. Он просто слишком сильно переживает, пока я маленькая. Когда мне исполнится двадцать один, все изменится – по крайней мере, хочется в это верить.

Да только ждать нет сил...

«Я люблю тебя, моя принцесса. Никто не посмеет причи-

нить тебе боль. Никто не заберет тебя». Он частенько повторял нечто подобное с маниакальной одержимостью в голосе. Лицо его при этом оставалось каменным и бесчувственным.

Сильно сомневаюсь, что напавшие на нас с Майклом и заставшие расплох подонки – посыльные дяди.

Тогда кто они? Меня хотят похитить? Зачем? Что будет, если со мной такое случится? Я никогда не контактировала с «чужими людьми», с миром. Да, я всегда мечтала об этом, но не с преступниками же и не таким образом!

Но пистолет, который хладнокровно сжимал в руке тот самый Призрак Оперы, добил меня окончательно.

Одно нажатие на спусковой крючок, и я стала бы свидетельницей убийства либо уже была бы мертва.

В тот момент мой разум отключился, поднявшиеся из глубин сердца страхи прорвали в паническом вихре плотину спокойствия, и вот я уже бегу куда глаза глядят, не видя никого и ничего вокруг.

Не чувствуя, как подворачиваются до адской боли ноги, как слетают с них босоножки и как морозит сырая трава ноющие стопы.

Все тело бьет дрожь, я обхватываю плечи двумя руками, делая глубокий вдох. Вокруг ночная тьма, подсвеченная фонарем на пирсе. Я и не заметила, как проскочила огромный сад особняка и оказалась у воды.

Порывы ледяного ветра пронизывают до костей лютым холодом, напоминая дыхание смерти, которое я уже не раз

чувствовала на себе...

Нервно сглатываю, давясь раскаленными слезами, пытаюсь понять, что происходит, и помолиться за жизнь Майкла, который остался там, в холле, с двумя долбаными гангстерами и чертовым Призраком.

Майкл еще жив? Конечно, жив. Кто же совершит убийство при толпе свидетелей в семейной резиденции федерального судьи? Только полный идиот.

Сердце танцует гулкое танго где-то под ребрами, пока я кусаю губы до боли, которую едва чувствую, словно после укола анестезии. Внезапно пелена паники рассеивается, и, кажется, тревога отпускает меня из своих смертельных оков...

Я вдруг прислушиваюсь к своему телу, к истинным своим желаниям. Разве этот вечер не мой шанс изменить все? Сбежать, уйти, не вернуться в особняк дяди, где меня ждет день сурка и вечная душевная мерзлота.

Идея побега парализует меня, полностью захватывает разум в этот момент.

Наверное, я обезумела окончательно, сошла с ума от столь насыщенных событий вечера.

Слишком много противоречивых эмоций: внутренняя дрожь, желание вырваться из привычной колеи жизни, страх возвращаться в особняк, по коридорам которого ходят люди, которые меня ищут. Забыв о том, что я плохо плаваю, словно не отдавая отчета в своих действиях, я с разбега прыгаю

в воду, твердо решив доплыть до ближайшей лодки, которая все это время маячит на горизонте. Прямо-таки настойчиво мелькает, словно ее обитатели специально гипнотизируют и призывают меня к себе.

И, только погружаясь в ледяную воду, осознаю, что натворила.

Поддалась порыву, сдавшим нервам, состоянию аффекта. Как я могла забыть? Глупая...

Я чертовски несамостоятельна, в кармане у меня с собой ни цента, вдобавок к этому я не умею ориентироваться в пространстве. Окажись я в незнакомом месте одна, в любом месте за пределами особняка Ди Карло, – я тут же сойду с ума от неизвестности.

Холодная вода превращается в ледяные иглы и с остервенением впивается мне в кожу. Берет в плен, беспощадно лишая воли.

Я беспомощно барахтаюсь на поверхности, пока запасы энергии довольно быстро и резко не покидают меня. Всего лишь один глоток воды приводит к ощущению удушливого ужаса.

Теперь мне действительно страшно, как никогда. Осознание того, что я умру через несколько минут, ослепляет, заставляет бороться изо всех сил с холодной стихией, но все тщетно.

Тело наполняется невыносимой тяжестью, руки немеют. Ноги, словно финальным аккордом, сводит невыносимой су-

дорогой. Это становится последней каплей.

Легкие пустеют, а перед внутренним взором мелькают лица родителей. Они качают головой и шепчут мне о том, что наша встреча не должна была состояться сегодня...

Я не хочу умирать.

Какая ирония... В особняке Ди Карло мне порой казалось, что все что угодно может быть лучше, чем жизнь в изоляции.

Я никогда так не ошибалась, но, к сожалению, человеческая психика способна познать истину лишь в сравнении...

В тот момент, когда я уже окончательно прощаюсь с солнцем и воздухом и принимаю то, что мне не суждено больше никогда спеть ни единой песни, в мой мир иллюзий врываются предсмертные сладостные галлюцинации.

Сначала мне кажется, что я лечу сквозь кометы и звезды, неудержимым кораблем покоряя вселенные, минуя пространства, галактики и скопления космической пыли.

Потом вижу большой взрыв, яркую вспышку перед внутренним взором. Ослепительную, нереальную, огненную... сильную.

Такую невероятно сильную, как и мужские руки, которые обхватывают мою талию.

Руки, будто выкованные из гранита. Твердые. Уверенные. Горячие. В них вибрирует власть и воля, острые чувства пронзают меня, словно удар молнии.

Судя по ощущениям, мужчина достает меня из воды.

Сквозь вату слышу его голос. Незнакомец задает какие-то вопросы и похлопывает меня по щекам, но я не могу разобрать и слова. Все тело трясет мелкой дрожью, хочется свернуться в позу младенца и прижаться к тому, кому доверяю... кому, например?

Наконец я широко распахиваю глаза, резко приходя в сознание.

Еще бы я не пришла в себя. Многое бы пропустила. Например, то, что этот подонок полностью нарушает мою зону комфорта, несмотря на то, что я пришла в себя и уже явно не нуждаюсь в его помощи.

Черт возьми, я даже неба из-за ширины его плеч не вижу.

А от того, что он возвышается прямо надо мной, удерживая вес своего тела на одной руке, вода с его темных волос капает мне прямо на ресницы.

К тому времени, когда мой любопытный взгляд прекращает скользить по четкому рельефу крепких бицепсов, которые облегает его черная мокрая рубашка, я окончательно прихожу в себя. Смотрю прямо перед собой, замечая две растянутые верхние пуговицы и треугольник бронзовой кожи. Несмотря на то, что он только что вышел из холодной воды, его тело излучает тепло, вполне осязаемый жар, словно в его венах бурлит кипяток, а не кровь.

Мое дыхание непроизвольно учащается, когда я провожу взглядом по массивному кадыку и четкой линии челюсти мужчины. У него легкая двухдневная щетина и в меру пол-

ные губы с ярко выраженной ямкой над ними. Совершенно нет морщинок, которые бы охарактеризовали незнакомца как улыбочивого и жизнерадостного, позитивного человека. Прямой и довольно крупный нос, а вот все остальное... скрывает та самая маска, с которой я уже прекрасно знакома.

Призрак наклоняется чертовски близко ко мне, и все внутри меня сжимается от страха. Кажется, что мой пульс и дыхание зависят сейчас только от одного показателя в мире – миллиметров, разделяющих наши лица. Свет от фонарей сада и яркой полной луны бросает блики на его кроваво-красную маску, в прорезях которой я могу разглядеть его глаза.

Непроглядная тьма. Черный омут, не имеющий дна. Цвета вороного крыла, цвета обсидиана. Пугающие, сводящие с ума... Я проваливаюсь в магнетическую бездну его взгляда, ощущая, как волоски на теле встают дыбом, а затылок покрывается инеем.

Невероятные ощущения. Он приближается еще на несколько сантиметров. Чувствую себя жертвой дементора⁴, который собирается даровать мне «поцелуй смерти» и испытать мою душу до дна, вдоволь полакомившись моими страхами.

И вот, он еще ближе, словно... словно мы очень близки, мать его. Я утрачиваю способность дышать, забываю наби-

---

⁴ Существа, которые питаются человеческими, преимущественно светлыми, эмоциями. В особых случаях, если предоставляется такая возможность, высасывают душу человека, принимая ко рту жертвы.

рать воздух в легкие и теряю дар речи окончательно. К такой ситуации меня жизнь не готовила. Я не была в таком тесном контакте с мужчиной, никогда...

Держа вес своего тела на одной руке, второй... мужчина вдруг с нежностью прикасается к моей щеке. В глазах вспыхивает дюжина бесов, я начинаю видеть в черных стекляшках свое отражение и вздрагиваю всем телом. Проводит по моей скуле, не скрытой маской, костяшками грубых пальцев. Едва касаясь, мягко изучает, пока его взгляд медленно ласкает мое лицо, заставляя ощутить, как к щекам приливает кровь и пульсирует в них. На мгновение кажется, что я в самом прямом смысле этого слова пылаю.

Время замирает, и я даже не дышу, пока мужчина ко мне прикасается.

– *Bella... Uccellino*⁵. – А у него чертовски приятный баритон, я бы с таким непременно спела дуэтом. Если бы не считала мужчину маньяком, которому явно от меня что-то нужно, раз он целый вечер то на меня пялится, то меня преследует, то меня спасает! То не спешит убирать от моего тела подальше грудь своих напряженных мышц.

Черт. А если он правда маньяк? Вечеринка в масках – идеальное место, чтобы сначала найти себе жертву, а потом истязать ее где-нибудь в темном саду, вдали от увлеченных беседами гостей...

Открываю рот, намереваясь заорать, но, будто предугады-

---

⁵ *Bella* – красавица (итал.), *uccellino* – птичка, птенчик (итал.).

вая мое действие, мужчина глушит мой крик ладонью.

– Тихо, птичка. Я не причиню тебе вреда. Только не кричи, – спокойно, даже как-то безэмоционально выдыхает мой Призрак. Часть меня хочет ему верить и до одури жаждет его узнать, а вот другая... сомневается, мучается, боится в конце концов. И совершенно не понимает, что происходит.

Почему в сказках все так красиво? Золушка отправляется на бал, убегает, теряет туфельку или телефон. Не поймите меня неправильно, но этот мужчина ведет себя так, словно жаждет, чтобы на этом балу я потеряла девственность.

Но, разумеется, не дождется. Если дядя узнает, что какой-то незнакомец лапает меня в саду, пусть даже после спасения моей жизни, он ему руки оторвет. В лучшем случае.

Мой мыслительный процесс останавливает то, что Призрак проводит большим пальцем по моим губам. В его жесте столько власти, покровительства и превосходства, что меня будто током бьет в очередной раз. Он меня хочет до приступа довести? Сердце в груди пылает, стучит до боли.

Волны несокрушимой мужской энергетики ощущаю всей кожей, чувствуя внутри совершенно новый фейерверк эмоций, которые мне мало знакомы, но очень приятны. Как-то по-особенному сладки, томительны. Низ живота тяжелеет, когда незнакомец слегка раздвигает мои губы, проводя по их влажной, внутренней стороне... С ума сойти, он точно маньяк. К моему большому удивлению, его палец мне не противен. Более того, сам запах его тела мне приятен, притяга-

телен. Чувствую себя фетишисткой. Я хорошо разбираюсь в парфюмах. Нужно же себя чем-то развлекать, пока сидишь дома. Элитную, дорогую парфюмерию я узнаю, так сказать, «с первого глотка». Muskatный орех, дубовые нотки, шафран и немного табака. Все эти запахи вместе с ароматом его кожи создают бурную симфонию. Если бы я могла ее послушать, она бы выражала запретные чувства... олицетворяла грех, который мне нельзя совершать.

И о чем я вообще думаю? Почему лежу замороженная его действиями?

Для меня совершенно очевидно, что он вот-вот раздвинет мои ноги коленом, сменит ласку на грубость и изнасилует меня! Есть в его движениях, дыхании и голосе что-то маньячное, дьявольское, хищное.

То, от чего лучше держаться подальше. И такие хорошие девочки, как я, всем своим нутром это всегда чувствуют.

Дальше я не думаю, просто бью своего спасителя коленом в пах. Резко, с силой, лишь бы ослабил хватку. Действует, несмотря на то что Призрак не издает ни звука. Ну, только нечто похожее на подавленный рык ярости.

Не совсем логичный поступок, но я еще маленькая и глупая и мне можно, а вот он, чтобы избежать подобного, мог бы и не приставать ко мне.

Ощущая, как грудь сдавливают тиски страха и набранной скорости, несусь без оглядки вперед, только бы ближе, ближе к особняку, к людям, где смогу почувствовать себя в без-

опасности. Невольно проскальзывают мысли о Майкле и о том, обнаружен ли мой побег людьми дяди. Сердце вновь разрывается от волнения и проигрывания в голове сценариев, в которых я буду жестоко наказана. Сад, как назло, просто огромный. Не проходит и двух минут, как я с недовольным всхлипом вскрикиваю, почувствовав, что не могу бежать дальше.

Его сильные руки обвивают меня свинцовым лассо.

Сопrotивляюсь, брыкаюсь, кричу, поднимая вверх ноги, пока мужчина не прижимает меня к ближайшему дереву. Резко, грубо. Ударяюсь затылком об кору, едва ли не прокляв подонка сквозь зубы. Короткие ветки, словно ядовитые шипы, царапают обнаженную спину.

Но деваться некуда. Он снова поймал меня, прижал бедрами со всей силы. Так, словно мы одно целое. Дрожу, глядя на мужчину снизу вверх, нервно покусывая губы, и наконец выдыхаю:

– Кто ты? Что тебе от меня нужно? Откуда у тебя оружие? Ты преступник? Или охранник? – Все это волнует меня сейчас больше всего.

– Это не так важно, птичка. – Призрак поддевает мой подбородок жестом собственника, и мои ноздри раздуваются от возмущения в ответ. – Я тот, кто спас твою жизнь, – напоминает мужчина, при этом его лицо остается каменным, бесстрастным. – А ты меня так решила отблагодарить? Отбить мне яйца?

Вздрагиваю от столь вопиющей откровенности. Я общалась с мизерным количеством мужчин в жизни, но ничего подобного из их уст никогда не слышала.

– Знаешь, чем заканчиваются подобные игры? Большая же уже девочка. Тебе же есть восемнадцать? – Мне кажется или в его вкрадчивом голосе звучит надежда?

И это явно не комплимент. Я знаю, что выгляжу очень юной, но чтобы настолько? Это все из-за маленькой груди, роста или?.. О черт, откуда во мне столько комплексов? Не припомню, чтобы подобные мысли терзали меня в непосредственной близости от Майкла. Призрак плохо влияет на мою самооценку. Потому что, черт возьми, мне по какой-то необъяснимой причине хочется ему нравиться.

Хочется вызывать у него взрослые чувства, которые для меня пока заблокированы и мне неизвестны. Но так притягательны.

Ответить я не успеваю. Дар речи пропадает вновь, когда я начинаю чувствовать, как ощущение близости его сильно-го, натренированного, доведенного до совершенства тела завязывает в груди горячий узелок. Чистое пламя из пустоты, возникшее внутри. Горит сердце, легкие, изнанка кожи... я умираю от переизбытка чувств и сгораю от желания увидеть его лицо. Настоящее лицо. Целиком и полностью.

– Не трогай меня, – шиплю я, когда чувствую, как ладони Призрака сжимают мою талию, а большой палец настойчиво скользит по ребрам, посылая табун мурашек по телу. – Ты

убил их, тех людей? У тебя был пистолет... есть и сейчас...

Нервно сглатываю, припоминая об этой жуткой детали.

– Ай, – вырывается на выдохе, когда рывком он прижимается ко мне всем телом. Вдыхает мой запах, проведя кончиком носа в двух миллиметрах над шеей. Мне становится по-настоящему жутко и жарко. Ядерная смесь. Не знаю, может ли женщина испытывать возбуждение и страх одновременно. Наверное, что-то мне подсказывает, что он не убьет меня, что он не хочет мне причинить вред, и поэтому все превращается для меня в мучительную игру, которую так страшно начинать, но которую так не хочется заканчивать.

– Прекрати, пожалуйста. Я не позволяю обычно вот так себя трогать... не знаю, что ты обо мне думаешь... не делай мне ничего плохого, – лепечу я, чувствуя себя беззащитным ребенком. А он манерно, будто играючи, касается языком уголка моих губ.

А потом усмехается так. Сладко-горько.

– Ты ничего не видела, птичка, – звучит как утверждение. Точнее, приказ.

– Когда обернулась, я все видела. Если ты убил их, я осмелюсь быть свидетелем! Ясно тебе? И ты не убьешь меня, если не хочешь погибнуть сам. Мой дядя не простой человек. Он тебя уничтожит, – осыпаю угрозами Призрака, но кажется, будто он меня не слышит, не слушает. Просто смотрит на мои губы, словно одурманенный. – Кто ты, черт возьми?

– А ты как думаешь? – дразнит он вкрадчивым шепотом.

Это секс в чистом виде, а не голос.

– Призрак Оперы. Маньяк? Ты же с самого начала на меня пялился, когда я пела. Преследовал меня в холле. И вообще...

Все мысли разом растворились, исчезли. Весь внешний мир погас, но огнем вспыхнул внутренний.

Обхватив мою шею ладонью, мужчина зафиксировал мою голову так, чтобы я не смогла избежать его приговора. Точнее, поцелуя, который он на меня обрушил. Бесцеремонно раздвинув мои губы, вторгся языком в рот, глухо застонав, будто от боли или удовольствия... Я позволила, обмякла в его руках.

Не верила, что могу найти в себе силы сопротивляться. Мой первый поцелуй – и при весьма странных обстоятельствах. Плевать...

В моей крови нет алкоголя, наркотиков. Я должна отдавать себе отчет в своих действиях, оттолкнуть, но не могу. Меня ведет. Глаза закрыты. Он не причиняет боли, несмотря на крепкий захват шеи.

«Поцелуй смерти» наполняет меня жизнью.

Самыми яркими эмоциями, каких никогда не испытывала прежде.

С моих губ срываются тихие стоны, которые успеваю выдохнуть в коротких перерывах между горячими поцелуями-укусами. Бедрa предательски хочется сжать, я чувствую, как внутри между ними все дрожит, пульсирует. Вкус горя-

чих губ дурманит, я даже не могу думать о том, что не умею целоваться, просто отдаюсь порыву, чувствуя, как загадочный незнакомец пьет меня, бесконечно пьет... и словно не может напиться.

– Проклятье, – выдыхает он в губы, сильнее сжимая мою шею и тяжело дыша. – Хочу, – коротко, с надрывом. Снова приказ. Нормальный, а?

Зато это «хочу» помогает мне прийти в себя.

– Что? – начинаю вырываться, но это лишь вызывает боль в шее и легкое удушье.

– Не отпускай. Не дергайся.

– Ты не так меня понял. Я не целуюсь обычно на первых свиданиях. – Стоит ли говорить, что у меня вообще нет свиданий?

– Конечно. Такая святая невинность. Такое впечатление ты производишь, – едва ли не цокнув языком, кивает мужчина снисходительно.

– Ты не понимаешь. Я просто...

– Ты просто позволила трахнуть свой рот языком и продолжения не хочешь? – вновь бьет откровением он, вызывая во мне новый приступ негодования. Черт возьми, он живет в мире, где такие слова – это в порядке вещей? Они возмущают меня.

Возбуждают немножко. Точнее, то, каким импульсивным и полным жажды голосом он произносит их.

– В тебе есть что-то, bella. Что-то особенное. Хочу понять

что, – слышу, вновь чувствуя его еще ближе.

– Это такой способ соблазнения? Я должна растаять? – дерзко бросаю я, глядя на него из-под опущенных ресниц.

– Если я захочу – растаешь. – Он самоуверенно поддерживает нашу странную, но манящую игру слов.

Глава 4

*Там, в его руках, она стала другой женщиной.
Она стала самой собой.
Из кинофильма «Соблазн» (Original Sin)*

КИАН

Я, конечно, знаю, что мной на девяносто процентов управляют инстинкты, но *основной* из них я давно не ощущал так остро, так ярко. Безрассудно.

Ослеп от жажды и похоти, прижав эту хрупкую птичку к дереву. Обхватываю за шею и чувствую, как мелко содрогаются ее бедра, обтянутые тонким шелком платья, который хочется стремительно задрать до талии, порвать. Толкнуться в чувственное тело каменной эрекцией, увидеть ее невербальный ответ и откровенное приглашение в льдисто-бирюзовых глазах.

Вогнать до упора член, ощутить ее жар каждой веной и вдалбливаться в это нежное тело, пока не станет ненужным. Неинтересным. Обесцененным. Использованным.

Фак, я двинутый извращенец.

Я почти не думаю о работе. Откровенно говоря, меня конкретно размазало. Не узнаю себя, но оторваться от пойман-

ной в капкан птички – невозможно в данный момент.

Опрометчиво. Глупо. Действия инфантильного мальчишки, а не того чудовища, которым я когда-то был вынужден стать. Может, поэтому все вдруг ушло на второй план? Я изголодался. По собственной, блядь, человечности.

Рик справится самостоятельно с операцией по похищению, я поставил перед ним задачи. Прерогатива капо и солдат в нашей «семье» – выполнить всю грязную работу. Я был на их месте, каждый из нас через это проходит. Когда дело касается капитанов, стоящих ниже меня по семейной лестнице, я являюсь тем, кто дергает за веревочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.